

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №3, Том 10 / 2019, No 3, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-3-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK319.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Ермаковская Т.А., Сафонова Н.Н. Индивидуально-авторская репрезентация лексемы «Дом» в творчестве М.И. Цветаевой 1918–1941-х годов // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №3, <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK319.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Yermakovskaya T.A., Safonova N.N. (2019). Individual author's representation of the token "home" in the works of M.I. Tsvetaeva 1918–1941-ies. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 3(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/02FLSK319.pdf> (in Russian)

УДК 811.161.1'37

Ермаковская Татьяна Александровна

БУ «Сургутский государственный педагогический университет», Сургут, Россия
Доцент кафедры «Филологического образования и журналистики»

Кандидат филологических наук

E-mail: etad2009@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3334-8583>

Сафонова Наталья Николаевна

БУ «Сургутский государственный педагогический университет», Сургут, Россия
Доцент кафедры «Филологического образования и журналистики»

Кандидат филологических наук

E-mail: natniksaf@rambler.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7436-0285>

Индивидуально-авторская репрезентация лексемы «Дом» в творчестве М.И. Цветаевой 1918–1941-х годов

Аннотация. Статья посвящена представлению результатов анализа лексемы «дом» как фрагмента художественного дискурса М.И. Цветаевой. Значение лексем рассматривается с опорой на лексико-семантический анализ текста. Цель исследования – осмысление значения лексемы «дом» в творчестве М. Цветаевой, выявление индивидуально-авторского понимания обозначенной лексической единицы. Актуальность исследования продиктована необходимостью уточнения и дополнения существующих лексикографических описаний в соответствии с непрерывным процессом семантического расширения, а также возможностью создания словаря поэта. В качестве объекта исследования использованы лирика М. Цветаевой, поэмы, проза и эпистолярное наследие. В статье рассматривается вопрос о соотношении общепринятого значения слова «дом» в русском национальном языковом сознании со смыслами, характерными для творчества поэта. Анализ ближайшего окружения лексемы «дом» позволил выявить несколько семантических областей, вступающих в сложную систему взаимных связей. Особое внимание уделяется художественному воплощению идей М.И. Цветаевой в текстах, где лексические единицы, связанные с их индивидуально-авторским пониманием, семантически соотносятся с другими лексемами: дом-душа, дом-сон, дом-смерть, дом-жилище душ и др. Доказано употребление обозначенной лексики с расширенными коннотациями, обусловленными индивидуально-авторскими взглядами и убеждениями. Материал исследования представляет интерес с точки зрения применения его в ходе осуществления художественного анализа текста. Практическая значимость представленного материала состоит в том, что его основные выводы могут быть использованы при вузовском

освоении когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, концептуального анализа, а также при изучении теории и истории литературы.

Ключевые слова: лексема; лексическая семантика; идиостиль писателя; языковая картина мира; контекст

Введение

Одним из важнейших аспектов изучения языка произведений М.И. Цветаевой должно стать раскрытие индивидуально-авторской репрезентации лексем, способных под пером художника слова расширять свои лингвистические коннотации.

Среди семантических процессов, ведущих к изменению лексического значения слова, основными считаются три: расширение значения, сужение значения и переосмысление, при этом первое место по продуктивности занимает процесс расширения значения [1, с. 83]. Этот процесс мы можем наблюдать в поэзии, прозе и эпистолярном наследии М.И. Цветаевой.

Представленная работа осуществлялась при помощи семантико-стилистического подхода, опирающегося на труды ведущих учёных в области языкознания и лингвокультурологии: З.Д. Попова [2], А.П. Бабушкина [3], Н.Н. Болдырева [4], Н.Д. Арутюновой [5], В.В. Виноградова [6] и др.

Из работ последнего десятилетия, так или иначе посвящённых обозначенной теме, следует особо выделить лингвистические труды: Зиангировой М.Е. «Лексическая представленность лингвокультурологического поля «Дом/усадьба» в текстах художественных произведений [7] – в статье рассмотрены вопросы взаимодействия культуры и языка в условиях многонационального государства, проанализирована лексика и фразеология с культурным компонентом «дом/усадьба»; Т.А. Шайхуллина, А. Омри «Моделирование когнитивно-смысловой организации русских и арабских паремий, включающих лексемы «Семья» и «Дом» [8] – в работе проведено комплексное сопоставительное исследование паремий, выделены тождественные и дифференциальные признаки паремий обоих языков, включающих указанные лексемы; Д.Р. Валеевой «Репрезентация концепта «дом» в русской языковой картине мира» [9] – исследование посвящено проблеме актуализации лингвокультурного концепта «Дом» в творчестве В. Распутина; Е.А. Потураевой «Метафорические обозначения концепта «Дом» в русской языковой картине мира» [10] – в статье выявлены основные концептуальные смыслы, которые эксплицируются в системе метафорических номинаций; Т.С. Мясниковой «Концепт 'старый дом' в русской литературе XIX века» [11] – работа посвящена осмыслению «старого дома» как одного из центральных концептов культуры и дворянской усадьбы; Ю.Г. Пыхтиной «Пространственные мотивы дома и дороги в лирике М.И. Цветаевой» [12] – в исследовании рассмотрены мотивы дома и дороги посредством бинарных оппозиций: дом материальный/дом духовный, ограниченное пространство дома/открытое пространство дороги.

Творчество М.И. Цветаевой – выдающееся и оригинальное явление не только культуры Серебряного века, но и всей истории русской литературы. Несмотря на многообразие направлений в исследовании творчества М. Цветаевой, к настоящему времени оно изучено не в полном объёме и представляет широкое поле деятельности по изучению особенностей тем, мотивов, поэтики, языка и т. п. Недостаточно изучена и представленная достаточно широко лексема «дом» в творчестве поэта. Упоминания относительно этого вопроса встречаются в работах ряда авторов: А. Саакянц [13], В. Швейцер [14] и др., но, в основном, всё сводится к биографии М. Цветаевой. Исключением является исследовательская работа О.А. Фещенко «Концепт Дом в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических произведений)» [15], наметившая весьма существенные аспекты в освещении этой проблемы, и всё же не раскрывшая её во всей объёмности и глубине. Это обстоятельство позволяет

говорить об *актуальности исследования*. Осмысливая образ-символ «дом», можно глубже понять мироощущение и мировоззрение М. Цветаевой, поэтому результаты и выводы исследования позволят в значительной мере уточнить представление о чертах творческой индивидуальности поэта.

Цель настоящего исследования – осуществить лексико-стилистический анализ лексемы «дом» в русской национальной культурно-бытовой традиции и выявить индивидуально-авторское видение обозначенной лексической единицы в языковой картине мира М.И. Цветаевой.

Материалы и методы

При отборе материала применялся прием тотальной выборки всех цитат, которые содержат лексему «дом» (799). На основе этого были сделаны выводы об индивидуально-авторской репрезентации этой лексики в творчестве поэта. Основным методом исследования является семантико-стилистический, предполагающий определение оттенков значений и стилистической окраски компонентов текста.

В качестве материала для исследования выступили:

1. лирика М. Цветаевой, поэмы, проза и эпистолярное наследие;
2. данные толковых и этимологических словарей русского языка.

Результаты

Лексема «дом» в русской национальной культурно-бытовой традиции

Лексема «дом» многопланово представлена в человеческом сознании, она архитипична, символична, функционирует в культуре и искусстве.

Исходя из представлений древних славян, дом – очень важное место. Он представлялся как мир в масштабах человечества, созданный им самим. Кров был в основном носителем признака «внутренний»: оберегающий человека от угроз внешнего мира, создающий атмосферу защищённости, организованности, противостоящей внешнему беспорядочному устройству, то есть мы можем говорить о важнейшей символической функции дома – защитной.

Человек нуждался в доме, соединяющим мир небесный и мир земной. По замечанию А.Н. Афанасьева: *Изба для славянина была <...> не только домом, в обиходном смысле этого слова, местом жилья; она представлялась ему таинственным капищем, в котором пребывало благотворное светлое божество очага и в котором совершались обряды в честь этого пената. Изба была первым языческим храмом. Оттого слова хоромы (дом, жилище) и храм (освящённое место богослужения) – филологически тождественны* [16, с. 66–67]. Как дом, жилище изображается в похоронных обрядах и причитаниях гроб (домовина). «Идею посмертного жилища воплощали и многие могильные сооружения: миниатюрные домики на могилах, кресты с покрытием в виде двускатной крыши и др.» [18, с. 169].

Представления о доме русского народа запечатлены и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, в нём же приведены многочисленные пословицы, относящиеся к дому. «Мило тому, у кого много в дому», «Дом вести – не лапти плести», «Худу

быть, кто не умеет домом жить»¹ – эти и подобные изречения говорят о том, что дом рассматривался народом как осязаемое воплощение своего, родного, безопасного пространства, а привязанность к нему считалась добродетелью. Словарь Даля отмечает также, что «слово «дом» означает в русском языке не только «строение для жилья» или «избу со всеми ухажаями и хозяйством», но и «семейство, семью, хозяев с домочадцами»¹.

Но осмысление понятия «дом» нельзя, естественно, ограничить только его словарными значениями, ибо в творчестве русских художников слова оно наполнялось новым смыслом.

Доминантными, основополагающими в русской национально-бытовой традиции предстали следующие положения:

1. Дом – это семейное гнездо. В 1847 году К. Аксаков говорил: *Хлопочем мы о жизни общественной или лучше гостинной, а жизнь семейная часто у нас забыта или пренебрежена; семейная же жизнь есть неотъемлемая основа и условие истинно общественной и человеческой жизни, без неё их нет* [17, с. 43].
2. К. Аксаков делал акцент на то, что именно нравственные узы объединяют людей, а не физиологические. Дом, таким образом, – это не физическое и даже не культурное, а этическое пространство. Это место, где осуществляется истинная любовь. Дом у всех славянофилов означал, прежде всего, семью, круг людей, считающих себя родными не только по крови, но и по духу.
3. Дом – спасительный кров, это освящённый Богом мир, поэтому в доме – гнезде обязательно должно быть место для сакрального пространства (комната, красный угол, киот с образами и лампадками).
4. Дом – пристанище для всех нуждающихся. Он держится на всеобщей заботе, гостеприимстве, а хозяева исполняют роль благодетелей.
5. Дом – хранитель векового уклада жизни, место, где берегаются традиции, где есть следование общему мнению и завету, беспрекословное признание авторитета старших.

Лексема «дом», репрезентированная в творчестве М.И. Цветаевой, в большинстве случаев идентична общезыковому представлению с ядром, включающим следующие семантические признаки: кров, убежище, защита, семья, хозяйство. Однако для нас наибольший интерес при изучении этого вопроса представило пересечение её с другими, функционирующими в языковой картине мира поэта основополагающими многозначными лексемами: «Душа», «Сон», «Творчество», «Любовь», «Человек», «Смерть», «Родина» и др.

Художественное воплощение лексемы «дом» в творчестве М.И. Цветаевой 1918–1941-х годов

Исследователи творчества М.И. Цветаевой много размышляют о тяге цветаевской лирической героини к небесному миру и приверженности земному. Показательно в этом смысле суждение О. Клинга: *Лирическая героиня Цветаевой устремляется к небу, однако не всегда там находит покой, её душа ищет соединения земного и небесного, их гармонии, но этого достичь невозможно* [19, с. 10].

Именно мятущаяся сущность самой Цветаевой и её лирической героини определяет все особенности дальнейшего творчества поэта. Особенно это отразится на многогранных

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 1995. – Т.1, с. 466.

толкованиях лексемы «дом» в её творчестве. Его постоянный поиск, стремление создать семейный очаг, с одной стороны, и в то же время невозможность и нежелание быть скованной рамками заурядного быта, с другой, вели к противоречию в душе поэта. Нельзя однозначно утверждать, что вышний мир был для неё идеален, в стихотворении «В раю» она скажет:

Я о земном заплачу и в раю...²

Эти строки говорят о том, что земной дом, земные приметы были ей бесконечно дороги, однако романтическое мироощущение не давало возможности примириться с замкнутым пространством, на которое обрекала её жизнь. Вот эта несоединимость бескрайности мечты с предельностью жизни перерастёт в итоге в роковой конфликт, породивший новые границы концептуального видения ДОМА в её творчестве.

Дом – «жилище душ»

Понятие «дом» толковалось М. Цветаевой в разные периоды жизни неоднозначно, однако всегда она и её лирические герои видели в нём, прежде всего, убежище, за стенами которого можно было бы обрести покой, надёжность и опору. Ядерная часть лексемы «дом» в языковой картине мира поэта дополняется семантическим признаком – «жилище душ». Подобные дома она изображает и в прозе, и в поэзии. В «Истории одного посвящения» Цветаева показывает дом как: *неодушевлённый предмет, одушевлённый русскими душами. Форт, где до утра не закрываются двери. Крепость настежь! Поющий, вопиющий, взывающий и глаголящий, ставший русским дом 1, авеню де ля Гар.*³ В произведении он представлен вместилищем самых разных душ, каждая из которых живёт своей жизнью, радуется, страдает и вместе с тем является одним целым со всем окружающим, ибо у всех есть общее – потерянная Родина, тоска по которой звучит разноголосицей хора, есть объединяющие основы – устои православной жизни: *Дом – с Рождеством, сияющим до масленицы, и с масленицей, расплёскивающейся до Пасхи, – ибо всегда кто-то... запаздывает допраздновывает – сплошной Новый год, сплошное христосование...*³ Это дом, где нашли пристанище русские люди, он всегда открыт, «крепость», но всегда настежь. Дом 1 на авеню де ля Гар – странноприимный, приютивший заблудшие души и в то же время живущий благодаря им.

В письме к А.А. Тесковой от 28 октября 1925 года М. Цветаева писала: *... Аля от Вас вернулась – как из сказки. Конечно, Ваш дом – зачарованный, жилище не трёх душ, а – души. И душам в нём – «дома». Остальные же пусть не ходят...*⁴ В процитированных строках снова возникает образ сказочного дома, зачарованного пространства, уютного и тёплого, такого, о котором мечтала в детстве маленькая Марина, тоска по которому звучит и теперь. Важно, что автор письма обращает внимание на то, что дом – это жилище души и душ. В своём же доме, который она всегда пыталась создать, такого просто не могло быть, причина этого раскрыта в письме от 03.06.1931 года тому же собеседнику: *Дома у меня жизнь тяжёлая – как у всех нас – мы все слишком особые и слишком разные. Каждому нужно – физически – место, которого нет: все друг у друга под локтём и под боком.*⁴ В лирических откровениях Цветаевой также важным было понимание того, что дом создается единением душ, их родственностью, общностью. Подтверждение находим в таком стихотворении поэта:

² Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.1, с. 123.

³ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.4, с. 137.

⁴ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.6, с. 14.

*Ты мне чуждой и не чуждой,
Родной и не родной,
Мой и не мой! Идя к тебе
Домой – я «в гости» не скажу,
И не скажу «домой»⁵*

Лирическая героиня осознаёт существующий между ней и тем, кого она называет «ты», внутренний, душевный разлад. В их отношениях есть и притяжение, и отталкивание, – всё это определяет смятенность её чувств. Любовь – огненная сила, не приносящая спокойствия, если «– Бог – не благословил!» Оттого и героиня стихотворения чувствует себя «не дома и не в гостях». Для неё настоящий дом должен быть благословенным. Может быть, именно поэтому в размышлениях поэта появляется образ дома-храма. Так, в письме к А.В. Бахраху от 25.07.1923 года она писала: *Я – дома во всех храмах, храм – ведь это побеждённый дом, быт, тупик. В храме нет хозяйства, храм – это дом души*⁶. Важно в этом суждении то, что храм – пространство, в котором, прежде всего, свободна душа, ибо она не задавлена бытом: «нет хозяйства». В храме душа, по Цветаевой, обретала свободу, которой не было дома. Уже в ранней лирике появляется мечта о доме-храме:

*Как влюблённость старо, как любовь забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь, превращает наш храм⁷*

Ценность запечатлённого дома определена не материальным достатком и благополучием, а иным семантическим признаком – одушевлённостью: в нём нет суеты, быта, а есть музыка, цветы, красота, любовь и покой, тот, который даёт возможность звучать сердцу, слышать друг друга. Этот дом, при всей его простоте, – дом живых душ. Но таким он остался только в воображении поэта. В реальности же, начиная с революционных лет и до конца жизни, Цветаевой пришлось быть заложницей бытовой повседневности. Дом – жилище душ – не был ни обрётён, ни построен. И тогда начался поиск другого крова. Им была определена душа.

«Единственный дом – душа»

Марина Цветаева постоянно говорила о том, что дом в жизни человека имеет большое значение, но каждый человек должен раскрыться, зацвести, не дав себе увязнуть в быте.

В художественном мире цветаевской поэзии возникает периферийное толкование лексемы «дом» – образ дома-сердца; лирическая героиня чувствует себя комфортно, полно, свободно только внутри собственного «я». С одной стороны, лексема дом ассоциативно связана с лодкой, плывущей по течению жизни, а с другой – она получает дополнительное значение «сердце», в котором только и можно почувствовать себя «дома». О том, что для Цветаевой эта мысль не была случайной, свидетельствует её суждение из очерка «Кедр», посвящённого князю Волконскому. Отмечая в герое своего произведения «прирождённое отвращение к хозяйству», Цветаева приходит к определению того главного и самого ценного, что оставляет человека человеком при всех суровых испытаниях времени: «Моё сокровенное, душу и уста мне жгущее желание – это, чтобы все поняли, что у больного ничего не возьмёшь, что неподведомственны

⁵ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.1, с. 422.

⁶ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.6, с. 246.

⁷ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.1, с. 86.

руке человека *нерукотворные крепости и недоказуемые угодыя Духа* курсив наш – Т.Е., что здесь ничто не возьмёт: ни декрет, ни штык. Перстень, кресло карельской берёзы, портреты бабушек, картины, десятины – да разве это я?.. То, что в груди, *под* черепной крышкой – неосяземо – недоказуемо – вот я... Почему никто от революции не спасается внутрь себя, *под веки*, вглубь собственной груди, *в свой единственный дом – Душу?*⁸ курсив в последней фразе наш – Т.Е. Не материальный дом важен – убеждение Цветаевой. Его можно отнять, разрушить, но человек спасён, если сохранены «угодыя Духа», «Душа» – как «единственный дом». Здесь возникает лексическая оппозиция свой-чужой: материальное – это чужое, важна душа, живущая по своим законам, вне любых ограничений, она – своя.

Через год Цветаева напишет «Поэму конца», одной из сквозных тем которой станет тема дома. Дом – это вещественный образ, среда обитания. Его убранство и наполняемость отражают внутренний мир человека. Дом – это поиск надёжности, уюта, пристанища в скитаниях поэта, женщины, влюблённых. В поэме герой зовёт героиню домой. Но каким видится ей дом, как оценивается?

*Вполоборота: это вот –
Наш дом? – Не я хозяйкою!
Один – над книжкой чековой,
Другой над ручкой лайковой,
А тот – над ножкой лаковой
Работает тишком.
...Коммерческими браками
И бальным порошком⁹.*

Показателен курсив в процитированных строках. Он передаёт отношение цветаевской героини к *такому* дому. Это отношение неприятия, отвержения, ибо для неё дом – нечто иное, то, что противостоит корысти, расчету, обывательщине, обыденщине, это некая недостижимая высота. Единственный дом для Цветаевой и её героини по-прежнему уже сделанный выбор: «Дом – в сердце моём». На что герой с иронией бросает: «Словесность!»⁹.

Дом – творчество

Как уже отмечалось выше, творчество поэта изобилует семантическим многообразием слова дом, среди которого невозможно не заметить, что дом для М. Цветаевой – это, прежде всего, её произведения. «Песенное ремесло» было для неё святым. Убеждённости в значимости поэтического слова помогала ей выстоять в жизненных испытаниях. Слово спасало душу художника:

*Моё убежище от диких орд,
Мой щит и панцирь, мой последний форт
От злобы добрых и от злобы злых –*

⁸ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.5, с. 260.

⁹ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.3, с. 34.

*Ты – в самых рёбрах мне засевиший стих!*¹⁰

В этом стихотворении творчество понимается как нравственная опора в жизни, которая помогает скрыться от земной суеты, поэтому появляется образ не обычного дома, а «убежища» и равных ему по значению слов «щит» и «панцирь».

Лирическая героиня говорит, что, «засевиший в рёбрах стих», – это её последний «форт», способный защитить от «диких орд». Подтверждением такого отношения к творчеству, к его спасительной функции может служить отрывок из письма к А.А. Тесковой, написанного 11 декабря 1933 года: *Во Франции мне плохо, одиноко, чуждо... Дома тоже сиротливо. И очень неровно. Лучший час самый поздний: перед сном, с книгой – хотя бы со старым словарём. Впрочем, это был мой лучший час и в 16, и в 14 лет...*¹¹

Стихи, творчество, возможность работать воспринимались М. Цветаевой как некая живительная сила. Это был своего рода дом, пристанище, где она находила душевное отдохновение, то есть лексема «дом» репрезентирована здесь со значением творчество.

Дом – сновиденье

В реальном доме, доме земном, душа и самого поэта, и его героини не могла обрести желаемого счастья. Особо можно выделить несколько примеров, характеризующих лексему «дом» синонимичным понятием, выражающим смысл «дом – сон».

Сон для Цветаевой – прообраз иного мира, в котором живут и встречаются «души», именно поэтому сон – «любимый вид общения». Земные отношения людей мгновенны, быстро утрачивают «восторг новизны», разочаровывают. Иное – связь через сны. Она – гарантия душевной неразрывности, прочности отношений, ибо в самом сне есть охранительный покров тайны, оберегающее начало. Цветаева разовьёт эту мысль в письме к С.Н. Андрониковой-Гальперн: *Мой любимый вид общения – сон. Сон – это я на полной свободе неизбежности, тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. Моя погода, моё освещение, мой час суток, моё время года, моя широта и долгота. Только в нём я – я. Остальное – случайность*¹². Сон, по мысли поэта, обнажал сущностное начало и её самой, и тех, кто в него входил, стирая в отношениях наносное, случайное.

1 января 1927 года Цветаева писала к Рильке в последнем письме: *Любимый, сделай так, чтобы я часто видела Тебя во сне – нет, неверно: живи в моём сне*.¹³ Показательно это слово «живи». Жить во сне, сон как дом. Тот, поистине сказочный и волшебный, который любила и о котором мечтала в детстве М. Цветаева. Встреча во сне – характерный мотив романтиков. В романтическом художественном сознании Цветаевой сон и был формой бытия, местом пребывания, домом. Мотив встречи, жизни во сне появляется в цикле «Провода» 1923, посвящённом Б. Пастернаку.

Весна наводит сон. Уснём.

Хоть врозь, а всё ж сдаётся: всё

¹⁰ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.1, с. 420.

¹¹ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.6, с. 81.

¹² Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.7, с. 151.

¹³ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.7, с. 204.

Разрозненности сводит сон.

Авось увидимся во сне¹⁴

Лирическая героиня далека от близкого ей человека, единственным способом общения с ним является «связь через сны».

Тема сна-встречи, переплетаясь с многочисленными мотивами творчества поэта, часто звучит в переписке 1926 года. В этот период Цветаева создаёт две своих поэмы: «С моря» и «Попытка комнаты». Хотя сны и называла М. Цветаева «любимым видом общения», она знала, что «взаимных снов не бывает», диалог во сне – это «две партитуры одной тоски», то есть разговор только со своей душой. Возможно, именно эта условность сновидения и вызывала желание поэта представить взаимный сон. Он является местом встречи, для которого не существует преград, в нём возможно осуществление мечты.

Запредельный мир представлялся Цветаевой более светлым, уютным, в нём осуществляется, по её мнению, другая жизнь, «разгромождённая». В поэме «Попытка комнаты» тема свидания поэтов перерождается в тему смерти. Место действия – «Гостиница Свидания Душ», прообразом которой является Тот Свет.

Позднее, в письме к А. Штейгеру от 9 августа 1936 года Цветаева словно даёт комментарий к этим сценам: *Я хочу с Вами только этого, только такого, никак не называющегося, не: сна наяву, сна – во сне, войти вместе с Вами в сон – и там жить. Потому, что Вы тоже пленный Дух, как я, – не дух духовность а ein Geist: ein Gast. Я это знаю, поняла по первому зову¹⁵*. Поэт, по Цветаевой, – всего лишь гость в земном пребывании, настоящая жизнь возможна только во сне, где может осуществляться общение с родственными душами. Действительность ставит границы, сон же их разрывает. Сон – мир, через который поэт говорит о высших для неё состояниях души: творчества, жизни, смерти, любви. Таким образом, при помощи метафорических преобразований на периферии концепта Дом возникает образ дома-сна.

«Домой – в огонь-синь!» Смерть как обретение небесного вечного дома

Лексема «дом» в творчестве М. Цветаевой не может быть репрезентирована в полном объёме без осмысления дополнительного созначения – смерть.

Человек не может описать её изнутри как нечто непережитое и прочувствованное. Только поэтам это под силу. Для М. Цветаевой тема смерти, ухода, конца земного существования не была страшной, она воспринималась ей как освобождение от уз тяжкого быта, как переход из одного мира в другой, из «земного» дома в дом «небесный».

Начиная с 1919 года, в поэзии М. Цветаевой появляется образ смерти, реализующейся при помощи изображения открытого дома – символа ухода. Одно из самых ярких в этом плане стихотворений «Чердачный дворец мой, дворцовый чердак». Оно построено на контрасте земного и небесного. Интересно, что лирическая героиня живёт в нём вне пространства, для неё характерна срединность существования. В стихотворении переплетаются варианты земных и небесных бытовых реалий: с одной стороны, это «горы рукописных бумаг», а с другой, – перечень чердачных чудес, снова появляется семантическая оппозиция свой-чужой. Характерно и то, что «чердак» для лирической героини ближе к небу, чем к земле. Здесь её ... посещают и ангел, и бес.

¹⁴ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.2, с. 181.

¹⁵ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.6, с. 81.

И тот, кто обоих превыше.

*Не долго ведь с неба – на крышу!*¹⁶

Но если в приведённом выше примере смерть представляется мечтой, лёгким способом обретения «дома-неба», то в цикле «Разлука» 1921, обращенном к С.Я. Эфрону, появляются ноты отчаяния, безысходности, изображается мрачное состояние лирической героини. В основе стихотворения – биографические факты. М. Цветаева в 1921 году не имела известий от мужа, покинувшего Родину с остатками Белой армии. Весь цикл образует единую поэму о разлуке – с мужем, с ребёнком, с жизнью.

Уроненные так давно

Вздымаю руки.

В пустое чёрное окно

Пустые руки

Бросаю в полуночный бой

Часов, – домой

Хочу! – Вот так: вниз головой

*– С башни! Домой!*¹⁷

Здесь появляется образ пустого чёрного земного дома, из которого рвётся прочь душа лирической героини. Дважды повторённый по отношению к разным словам эпитет «пустой» усиливает трагичность положения. Ничем не заполненная, лишённая смысла, жизнь теряет свою значимость. Земное бытие бесцельно, в нём нет ничего, что бы могло удержать лирическую героиню в этом мире, её руки пусты. Единственным домом представляется смерть. Однако в этом стихотворении она не является мечтой, как в предыдущих примерах, а выступает как единственно возможное избавление от «пустоты». Образ башни и полуночный бой часов помогают созданию атмосферы мгновенного, но вместе с тем, казалось бы, зловещего перехода из одного мира в другой:

...вниз головой

– С башни! Домой!

Но вторая часть произведения снимает это ощущение гибельного конца с разбитой головой и изуродованным телом. Героиня уточняет место своего перехода:

Домой!

Не о булыжник площадной:

В шёпот и шелест...

Мне некий воин молодой

*Крыло подстелет!*¹⁸

¹⁶ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.1, с. 488.

¹⁷ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.2, с. 26.

¹⁸ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.2, с. 26.

Крыло и перенесёт, как ей мыслится, героиню в просторы неба.

Мир небесный прямо называется у Цветаевой «домом» в целом ряде произведений. Героиня М. Цветаевой видит в смерти своё воскрешение: поэт умирает, но лира его живёт и радуется людям, смеясь над тленом. Смерть – новое рождение, обретение нового дома. Права Н.О. Осипова, которая связывает близость понятий «дом» и «смерть» с романтическим сознанием М. Цветаевой. «Дом – «домовина» – гроб – могила... Эти ассоциации прочитываются во многих стихотворениях, что естественно вызывает в памяти множество ритуалов и поверий, связывающих данные понятия» [20, с. 25]. Вспомним цветаевское:

Поставят нам – единый дом.

Прикроют нас – одним холмом¹⁹

Мысли о смерти и её смысле посещали М. Цветаеву с детства. Но лишь повзрослев и приобщившись к трудностям жизни, она поняла, почувствовала, что смерть – это не конец, а только переход в другой мир – «туда».

В фольклорной поэме «Молодец» 1922 года домом для героини является «огнь-синь». Любя Упыря, Маруся оставляет мужа и сына, и вместо того, чтобы счастливо зажить с ними, улетает:

Зной – в зной,

Хлынь – в хлынь!

До-мой:

В огнь-синь²⁰

Здесь поэт использует дополнительную коннотацию, с дополнительной семой дом – смерть, «огнь-синь».

Тяга Цветаевой к своему небесному дому – не абсолютна. Героиня ищет что-то третье: иное, вечную жизнь, жизнь сквозь смерть, смерти неподвластную. Отсюда возникает мотив постоянного движения в её творчестве, стремления ввысь, поиск третьего мира, в котором бы нашла приют, обрела дом душа поэта.

Заключение

Таким образом, цветаевская поэтика – поэтика «семантическая», её задача – создание «новых смыслов», уникальных, свойственных её идиостилю. Проведённый лексико-стилистический анализ показал, что границы лексемы «дом» в художественной интерпретации поэта значительно расширяются, она приобретает индивидуально-авторскую специфику. В большинстве случаев наполняемость этой полисемантической единицы идентична общеязыковой с ядром, включающим семантические признаки: кров, семья, родственные узы, хозяйство, защита. Помимо общепринятых трактовок этого слова, в творчестве поэта оно обогащается новыми периферийными созначениями: дом – душа, дом – жилище душ, дом – сновидение, дом – творчество, дом – смерть, дом – родина. Такая репрезентация обусловлена внутренней антиномичностью, противоречивостью и мятущейся сущностью М.И. Цветаевой.

¹⁹ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.1, с. 420.

²⁰ Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. – Москва, 1997. – Т.3, с. 340.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина, Н.С. Теория текста [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос. – 2003. – 173 с.
2. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
3. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
4. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. университета, 2000. – 140 с.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 911 с.
6. Виноградов, В.В. О теории художественной речи [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1971. – 240 с.
7. Зиангирова, Э.М. Лексическая представленность лингвокультурологического поля «Дом/Усадьба» в текстах художественных произведений // Вестник ТГГПУ, №4 (38), 2014.
8. Шайхуллин, Т.А., Омри, А. Моделирование когнитивно-смысловой организации русских и арабских паремий, включающих лексемы «Семья» и «Дом» // Вестник ТГГПУ, Филология и культура. – №1 (31), 2013.
9. Валеева, Д.В. Репрезентация концепта «дом» в русской языковой картине мира: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Казань, 2010.
10. Потураева, Е.А. Метафорические обозначения концепта «ДОМ» в русской языковой картине мира / Е.А. Потураева // Язык и культура. – 2010. – №1. – с. 58–73.
11. Мясникова, Т.С. Концепт “старый дом” в русской литературе XIX века: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Москва, 2018. – 179 с.
12. Пыхтина, Ю.Г. Пространственные мотивы дома и дороги в лирике М.И. Цветаевой / Ю.Г. Пыхтина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2011. – №3. – с. 18–24.
13. Саакянц, А.А. Марина Цветаева: жизнь и творчество. – Москва: Эллис Лак, 1999. 816 с.
14. Швейцер, В. Быт и Бытие Марины Цветаевой. – Москва: Интерпринт, 1992. – 544 с.
15. Фещенко, О.А. Концепт Дом в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических произведений): диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – Новосибирск, 2005.
16. Афанасьев, А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература / А.Н. Афанасьев; Сост. А.Л. Налепин. – М.: Сов. Россия, 1986. – 367 с.: 1 л. портр. – (Б-ка русской критики). – Примеч.: С. 340–365.
17. Аксаков, К.С. Три критические статьи г-на Имрек. – М.: Директ-Медиа, 2014. – с. 43.
18. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре / Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. М., 2000. 480 с. (2-е изд. – М., 2007). <https://www.academia.edu/26693615>.
19. Клинг, О.А. Поэтический мир Марины Цветаевой [Текст] / О.А. Клинг. – М., 2001. – с. 112.
20. Осипова, Н.О. Творчество М.И. Цветаевой в контексте культурной мифологии Серебряного века. – Киров: Изд-во ВГПУ, 2000. – 272 с.

Yermakovskaya Tatyana Alexandrovna

Surgut state pedagogical university, Surgut, Russia
E-mail: etad2009@mail.ru

Safonova Natalya Nikolaevna

Surgut state pedagogical university, Surgut, Russia
E-mail: natniksaf@rambler.ru

Individual author's representation of the token "home" in the works of M.I. Tsvetaeva 1918–1941-ies

Abstract. The article is devoted to the presentation of the results of the analysis of token "home" as a fragment of the artistic discourse of M. Tsvetaeva. The value of the token is considered based on lexical-semantic analysis of text. The purpose of the study is understanding the value of the token "home" in the works of M. Tsvetaeva, identifying individual copyright understanding marked lexical units. Relevance of the research is dictated by the need to clarify and supplement the existing lexicographical descriptions in accordance with the ongoing process of semantic expansion, as well as the ability to create a dictionary of the poet. As a research facility used by M. Tsvetaeva lyrics, poems, prose and epistolary heritage. The article deals with the question of the relationship between the generally accepted meaning of the word "House" in Russian national language conscience with meanings specific to the creativity of the poet. Analysis of the inner circle of the token "home" revealed a few semantic fields, entering into a complex system of reciprocal links. Special attention is paid to the artistic realization of ideas M.I. Tsvetaeva in texts, where lexical units related to their individual copyright understanding semantically relate to other tokens: soul House, House-dream home-death house-housing showers and etc. Proven use of designated advanced vocabulary connotations arising from the individual author's views and beliefs. Material research interest in terms of applying it in the implementation of literary analysis of the text. The practical significance of the material is that its main findings can be used in University development of cognitive linguistics, cultural linguistics, conceptual analysis, as well as in studying theory and history literature.

Keywords: token; lexical semantics; ideostyle writer; language picture of the world; context

REFERENCES

1. Valgina N.S. (2003). Teoriya teksta. [*Text theory.*] Moscow: Logos, p. 173.
2. Popova Z.D., Sternin I.A. (2007). Kognitivnaya lingvistika. [*Cognitive linguistics.*] Moscow: STOP: Vostok – West, p. 314.
3. Babushkin A.P. (1996). Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka. [*Concept types in the lexical and phraseological semantics of a language.*] Voronezh: Publishing house Voronezh State University, p. 104.
4. Boldyrev N.N. (2000). Kognitivnaya semantika. [*Cognitive semantics.*] Tambov: Publishing House of the Tambov State university, p. 140.
5. Arutyunova N.D. (1999). Yazyk i mir cheloveka. [*Language and human world.*] Moscow: Languages of Russian Culture, p. 911.
6. Vinogradov V.V. (1971). O teorii khudozhestvennoy rechi. [*About the theory of artistic speech.*] Moscow: high school, p. 240.

7. Ziangirova Eh.M. (2014). Lexical representation of the linguistic-cultural field “House / Manor” in the texts of works of art. *Bulletin of the Tatar State Humanitarian-Pedagogical University*, 4(38) (in Russian).
8. Shaykhullin T.A., Omri A. (2013). Modeling the cognitive-semantic organization of Russian and Arabic paremias, including the lexemes "Family" and "House". *Bulletin of the Tatar State Humanitarian-Pedagogical University*, 1(31) (in Russian).
9. Valeeva D.V. (2010). Rezentatsiya kontsepta «dom» v russkoy yazykovoy kartine mira. [*Representation of the concept of "house" in the Russian language picture of the world.*] Kazan.
10. Poturaeva E.A. (2010). Metaphorical designations of the concept “DOM” in the Russian language picture of the world. *Language and culture*, 1, pp. 58–73 (in Russian).
11. Pykhtina Yu.G. (2018). Kontsept “staryy dom” v russkoy literature XIX veka. [*The concept of “old house” in Russian literature of the XIX century.*] Moscow, p. 179.
12. Myasnikova T.S. (2011). Spatial motifs of the house and the road in the lyrics of M.I. Tsvetaeva. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism*, 3, pp. 18–24 (in Russian).
13. Saakyants A.A. (1999). Marina Tsvetaeva: zhizn' i tvorchestvo. [*Marina Tsvetaeva: life and work.*] Moscow: Ellis Luck, p. 816.
14. Shveytser V. (1992). Byt i Bytie Mariny Tsvetaevoy. [*Life and Being Marina Tsvetaeva.*] Moscow: Interprint, p. 544.
15. Feshchenko O.A. (2005). Kontsept Dom v khudozhestvennoy kartine mira M.I. Tsvetaevoy (na materiale prozaicheskikh proizvedeniy. [*Concept House in the artistic picture of the world M.I. Tsvetaeva (on the material of prose works.)*] Novosibirsk.
16. Afanas'ev A.N., Nalepin A.L. (1986). Narod-khudozhnik: Mif. Fol'klor. Literatura. [*Folk artist: Myth. Folklore. Literature.*] Moscow: Soviet Russia, p. 367, pp. 340–365.
17. Aksakov K.S. (2014). Tri kriticheskie stat'i g-na Imrek. [*Three critical articles by Mr. Imrek.*] Moscow: Direct Media, p. 43.
18. Potebnya A.A., Toporkova A.L. (2000/2007). Simvol i mif v narodnoy kul'ture. V 2-kh izdaniyakh. [*Symbol and myth in folk culture. In 2 editions.*] Moscow, p. 480 [online] Available at: <https://www.academia.edu/26693615>.
19. Kling O.A. (2001). Poeticheskiy mir Mariny Tsvetaevoy. [*The poetic world of Marina Tsvetaeva.*] Moscow, p. 112.
20. Osipova N.O., Tvorchestvo M.I. (2000). Tsvetaevoy v kontekste kul'turnoy mifologii Serebryanogo veka. [*Tsvetaeva in the context of the Silver Age cultural mythology.*] Kirov: Publishing House of Voronezh State Pedagogical University, p. 272.